

ТЕКСТЫ И ПРАКТИКИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

УДК 82-1

DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-99-129

«Пионера враги расстреляли, но той песни убить не смогли»: гордость и скорбь в наивной поэзии о Мусе Пинкензоне

Мария В. Гаврилова

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия, mariavl.gavrilova@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена наивной поэзии о гибели пионера-героя Муси Пинкензона. В декабре 1942 г. 12-летний мальчик вместе со своей семьей стал жертвой расстрела евреев. По официальной версии, перед смертью он успел сыграть на скрипке «Интернационал». Популярность этого сюжета среди наивных авторов пережила два пика – 1960–1970-е и 2010–2020-е гг. В статье анализируются особенности поэтики стихов о Мусе Пинкензоне, их прагматика и комплексы мотивов, характерные для произведений разного времени создания. Основной вывод статьи в том, что авторы наивных стихотворений раннего и позднего времени ориентировались на разные источники, в которых этот сюжет и характеристики главного героя трактовались по-разному. В ранних произведениях Муся Пинкензон лишен индивидуальных черт, его функция состоит в том, чтобы своей смертью подать пример другим и вдохновить их на борьбу. В поздних же он, наоборот, изображается уникальным ребенком со сверхъестественными музыкальными способностями, который сам вступает в бой с противником и одерживает над ним символическую победу. В выводах статьи также показывается, как эти два варианта сюжета соотносятся с различными типами мемориальной культуры, характерными для советского и постсоветского времени.

Ключевые слова: наивная литература, Холокост, евреи, пионеры-герои, коммеморация

© Гаврилова М.В., 2025

Дата поступления статьи: 18 мая 2025 г.

Дата одобрения рецензентами: 22 июля 2025 г.

Дата публикации: 26 декабря 2025 г.

Для цитирования: Гаврилова М.В. «Пионера враги расстреляли, но той песни убить не смогли»: гордость и скорбь в наивной поэзии о Мусе Пинкензоне // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2025. Т. 8. № 4. С. 99–129. DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-99-129

“The enemies shot the pioneer,
but they could not kill his song”:
pride and sorrow in naive poetry
about Musa Pinkenzon

Maria V. Gavrilova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;

Presidential Academy, Moscow, Russia,

maria.v.gavrilova@gmail.com

Abstract. The article is dedicated to the naive poetry about the death of the pioneer hero Musya Pinkenzon. In December 1942, the 12-year-old boy and his family became victims of the execution of Jews. According to the official version, before his death, Musya managed to play the Internationale (the USSR anthem at that time) on his violin. This plot was especially popular among naive authors in the 1960s – 1970s and the 2010s – 2020s. The article analyzes the features of the poetics of naive poems about Musa Pinkenzon, their pragmatics and plot motifs in poems created in different periods. The main conclusion of the article is that the authors of naive poems of the early and late times used different sources of information, in which this plot and the characteristics of the main character were interpreted differently. In the early poems, Musya Pinkenzon does not have an individuality, his role is to set an example for others by his death and inspire them to fight. In the later ones Musya Pinkenzon, on the contrary, is depicted as a unique child with supernatural musical abilities, who himself enters into battle with the enemy and achieves a symbolic victory over him. At the end of the article, the author shows how these two versions of the plot relate to different types of memorial culture in Soviet and post-Soviet times.

Keywords: naive literature, Holocaust, Jews, pioneer heroes, commemoration

Received: May 18, 2025

Approved after reviewing: July 22, 2025

Date of publication: December 26, 2025

For citation: Gavrilova, M.V. (2025), “The enemies shot the pioneer, but they could not kill his song’: pride and sorrow in naive poetry about Musa Pinkenzon”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 8, no. 4, pp. 99–129, DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-99-129

Введение

Муся Пинкензон – 12-летний мальчик, который погиб 15 декабря 1942 г. в ст. Усть-Лабинской Краснодарского края во время расстрела, жертвами которого стали 387 человек, преимущественно евреев. В начале войны его семья была эвакуирована из г. Бельцы, где она до этого жила. Отец мальчика Владимир Пинкензон был врачом, и в ст. Усть-Лабинской он получил работу в военном госпитале, а сам Муся был подающим надежды юным скрипачом. Через полгода после расстрела, в мае 1943 г., в газете «Советская Кубань» вышла заметка «Как погиб Муся Пинкензон», в которой утверждалось, что перед смертью мальчик успел сыграть на скрипке «Интернационал»¹. Автор этой заметки – московская журналистка Елена Кононенко, которая приехала в Краснодар в качестве корреспондента газеты «Правда», чтобы освещать Краснодарский процесс². Впоследствии эта история была изложена в еще двух газетных заметках – в «Пионерской правде» и «Правде»³, благодаря чему она получила всесоюзную известность. В 1967 г. в серии «Пионеры-герои» вышла повесть о Мусе Пинкензоне⁴, которая распространила его историю еще шире.

Хотя Муся Пинкензон не входит в «основной» пантеон пионеров-героев Великой Отечественной войны⁵, связанный с ним сюжет вызывал и вызывает интерес в течение всех послевоенных десятилетий, в том числе и после исчезновения пионерской орга-

---

¹ Содержание заметки с большой вероятностью было вымыслом автора, подробнее об этом см.: [Гаврилова 2024].

² Краснодарский процесс 14–17 июля 1943 г. – первый открытый процесс над пособниками нацистов, во время которого были осуждены 13 советских граждан, задействованных во вспомогательных частях зондеркоманды 10-А.

³ Кононенко Е. Как погиб Муся Пинкензон // Советская Кубань. 1943. 9 мая. С. 3; Успенская Е. Сильные духом: Перед казнью // Пионерская правда. 1943. 1 сент. С. 4.

⁴ Ицкович С.Н. Муся Пинкензон. М.: Малыш, 1967. 26 с.

⁵ Подростки-партизаны, которым было посмертно присвоено звание Героев Советского Союза: Леня Голиков, Марат Казей, Зина Портнова, Валя Котик.

низации. Его история имеет большое значение для жителей Усть-Лабинска и его окрестностей, а также для жителей Бельц, но популярность этого сюжета выходит далеко за пределы этих городов. Начиная с 1940-х гг., Муся Пинкензон много раз становился героем очерков, рассказов⁶, мультипликационного фильма⁷, школьных концертов и музыкально-поэтических вечеров⁸ и т. д. О том, что история гибели маленького скрипача вызывает у многих глубоко личный эмоциональный отклик, также свидетельствует немалое количество посвященных ему наивных поэтических произведений, созданных как в советское, так и в постсоветское время.

В своей статье я рассмотрю, как этот сюжет реализуется в наивной поэзии. Какие детали истории Муси Пинкензона имеют для наивных авторов наибольшее значение? Каковы типичные для наивных стихов о юном скрипаче мотивы и можно ли проследить их источники? Меня также будут интересовать особенности поэтики этих стихотворений и то, как это связано с местом и временем их создания. И, наконец, я исследую то, как стихи о Мусе связаны с внелитературным контекстом и какова их прагматика.

Понятие «наивная литература»

Прежде всего необходимо объяснить, что подразумевается под этим термином. Согласно выводам исследователей наивной литературы, она представляет собой обширный культурный слой,

⁶ См., например: *Гусев А.И.* Три беседы. М.: Молодая гвардия, 1948. С. 60–61; *Великанов В.* Раненая скрипка // Путь отважных: рассказы / [сост. С. Баруздин]. М.: Детгиз, 1962. С. 101–110; *Каменкович И.И.* Ночь плачущих детей. Баку: Гянджлик, 1975. С. 81–84; *Куценко И., Моисеева Э.* Юные ленинцы Кубани. Краснодар: Кн. изд-во, 1972. С. 25–26; и др.

⁷ «Скрипка пионера». Режиссер Борис Степанцев, сценарий Юрий Яковлев, оператор Михаил Друян. Союзмультфильм, 1971. 8 мин.

⁸ См., например: Муся Пинкензон. Маленький герой войны (концерт). Детская школа искусств № 16. г. Воронеж. 22 мая 2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=MXnGpM20LX4&ab_channel=%D0%9C%D0%B8%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B0%D0%92%D0%B5%D1%87%D0%B5%D1%80%D1%8F (дата обращения: 12.03.2025); Где детство, там войне нет места: концерт, посвященный памяти Муси Пинкензона. Детская школа искусств № 34 г. Северодвинска. 5 мая. 2020. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ygVz7DYHCC8&t=14s&ab_channel=%D0%94%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B8%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%81%D1%82%D0%B2No34 (дата обращения: 12.03.2025).

который находится между фольклором и литературой, но не может быть однозначно отнесен ни к тому, ни к другому. Наивные произведения – это продукты индивидуального творчества, в которых выражены личные эмоции и мнения конкретных людей. Авторы таких текстов ориентируются на «высокую» литературу, но они неосознанно нарушают нормы существующей литературной системы. Это творчество «литературно неквалифицированных» авторов, которых можно назвать «дискурсивными дилетантами». Наивные авторы пользуются литературным языком, поскольку он обладает высоким общественным статусом, но этот язык является для них «иностранным» [Неклюдов 2001; Лурье 2001].

Наивная литература представлена довольно гетероморфным материалом, и критерии «наивности» того или иного автора достаточно субъективны. В то же время у них есть ряд характерных общих черт. Так, наивные авторы не придают большого значения оригинальности своих произведений и литературному мастерству. Они пишут «от души», ориентируясь скорее на «правду жизни», чем на вымысел и «художественную правду». Наивные произведения ориентированы скорее на «потребление», чем на «сбыт» (П.Г. Богатырев), и это роднит их с фольклором. Как правило, наивные авторы, преследуют практические цели. Их произведения, особенно поэтические, адресованы определенной аудитории, они часто написаны «к случаю» и предназначены для устного воспроизведения в конкретной жизненной ситуации [Минаева 2009].

Одна из типичных сфер применения наивных текстов – коммеморация. Тем случаем, к которому сочиняются наивные стихи, часто оказывается личная и / или общественно значимая трагедия. Создание и исполнение этих произведений во время траурных мероприятий или их принесение к месту гибели либо захоронения умершего является одним из популярных видов поминального действия [Югай 2016]. Целью наивного автора также может стать сохранение памяти о драматических событиях прошлого и призыв к аудитории извлечь из них нравственный урок, поэтому такие произведения также часто тяготеют к историко-патриотической тематике [Лурье 2001]. Наивные авторы охотно берут темы и сюжеты из «официального дискурса (литературного и идеологического)» – т. е. из школьных учебников, массовой литературы, медиа-источников и т. п., а также используют в своих произведениях клише, характерные для этого дискурса. Сами они этого не чувствуют, поскольку не владеют иными навыками творческого самовыражения [Козлова 2009]. Еще одним источником тем, языка и художественных средств для наивной поэзии является фольклор.

Как мы увидим далее, наивным стихам о Мусе Пинкензоне в полной мере присущи все эти признаки. Эти поэтические тексты интересны тем, что они предоставляют нам возможность проанализировать развитие одного и того же сюжета в творчестве наивных авторов разного времени и места жительства. Кроме того, мы можем сравнить содержание стихотворений с источниками и понять, какие варианты и детали сюжета истории о Мусе Пинкензоне оказались наиболее востребованными среди наивных авторов и почему.

Происхождение сюжета

История Муси Пинкензона представляет собой реализацию фольклорно-литературного сюжета о гибели героя во время игры на музыкальном инструменте и / или пения. В первом варианте этого сюжета герой поет либо музицирует перед казнью – как в балладе «Макферсон перед казнью»⁹. Во втором варианте герой «умирает с музыкой» в бою – как в песне «Юный барабанщик»¹⁰.

Сюжет «музыка перед смертью» особенно характерен для произведений, воспевающих бунтарскую и левореволюционную героиню¹¹. С точки зрения непосредственного влияния на историю Муси Пинкензона особый интерес для нас представляет отрывок из романа В. Гюго «Отверженные» о Гавроше, который в 1920–1930-е гг. неоднократно выходил в СССР отдельными изданиями для детей:

Гаврош поднял глаза и увидал, что в него стреляют национальные гвардейцы. Он выпрямился во весь рост и с развевающимися по ветру

⁹ По легенде, разбойник Джейми Макферсон, живший в XVI в. «шотландский Робин-Гуд», перед казнью сочинил песню и исполнил ее, аккомпанируя себе на скрипке. Этот сюжет лег в основу народной баллады, в дальнейшем переработанной поэтом Р. Бернсом (MacPherson's Farewell, 1788). На русском языке она известна в переводе С. Маршака (1942). Самая первая заметка Кононенко о Мусе Пинкензоне была опубликована в 1943 г., так что знакомство журналистки с этим переводом не исключено.

¹⁰ Она представляет собой вольный перевод песни В. Вальерота «Маленький трубач» (Der kleine Trompeter, 1925), посвященной Фрицу Вайнеку, горнисту Союза красных фронтовиков, который погиб при разгоне полицией предвыборного собрания Эрнста Тельмана. Перевод на русский язык был выполнен М. Светловым в 1929 г.

¹¹ В пьесе Г. Бюхнера «Смерть Дантона» (Dantons Tod, 1835) главный герой и его соратники поют «Марсельезу» по дороге к гильотине.

волосами, уперся руками в бока, вперил глаза в стрелявших в него солдат национальной гвардии и вызывающе запел песенку. <...> Это был воробей, собирающийся заклевать охотника. На каждый выстрел он отвечал куплетом. <...> Наконец, одна из пуль <...> настигла-таки неуловимого ребенка. Гаврош зашатался, потом упал лицом на мостовую и уже больше не шевелился¹².

Реализацию этого сюжета можно найти и непосредственно в рассказах о пионерах-героях, например:

Кирия высоко вскинул голову и запел: «Вы жертвою пали в борьбе роковой, / В любви беззаветной к народу...». Еще эхо не потушило последние слова похоронного марша, как Кирия медленно поднял наган и послал в себя пулю, последнюю пулю¹³.

Таким образом, к моменту появления истории Муси Пинкензона уже существовала готовый сюжет, подходящий для художественного оформления жизненного материала. Рассмотрим, какое содержание туда поместили авторы текстов, в дальнейшем ставших источниками сведений для наивных поэтов.

Прецедентные тексты

Наивные авторы очень часто опираются в своем творчестве на информацию из медиаисточников или даже полностью воспроизводят то, что там написано [Югай 2016]. Так поступали и создатели наивной поэзии о Мусе Пинкензоне. Источниками, из которых они черпали подробности этого сюжета и способы его трактовки, стали серия газетных заметок 1943–1945 гг.¹⁴ и повесть С. Ицковича¹⁵. «Каноническая» версия событий сложилась не сразу, и в процессе ее формирования часть деталей выпала из сюжета, а взамен появились новые подробности, которые в дальнейшем получили развитие и утвердились в качестве неотъемлемых частей этой истории.

---

¹² *Гюго В.* Гаврош. Пг.: Изд-во ЦК КСМУ, 1922. С. 53–54.

¹³ *Омбьш-Кузецов С.* Шестичасовой бой // Дети-герои / [сост. И.К. Гончаренко, Н.Б. Махлин]. 3-е изд. Киев: Радянська школа, 1984. С. 60–65.

¹⁴ *Кононенко Е.* Как погиб Муся Пинкензон; *Успенская Е.* Сильные духом: Перед казнью; *Кононенко Е.* Слава советским детям! // Правда: газета. 1945. 21 мая. С. 3.

¹⁵ *Ицкович С.Н.* Муся Пинкензон.

Публикация, в которой впервые рассказывается об исполнении «Интернационала», вышла 9 мая 1943 г. в районной газете «Советская Кубань». Заметка «Как погиб Муся Пинкензон» начинается идиллической картиной окончания учебного года. Как «образцовый ученик и пионер», Муся получает грамоту от классного руководителя. Далее описываются ужасы начавшейся в августе 1942 г. оккупации. Перед своим зимним отступлением «немецкие изверги» решают расстрелять большую группу людей. Они совершают это преступление, чтобы «отомстить советским гражданам». 15 декабря «женщин, детей и стариков», в том числе семью Муси, выводят к крепости Красный форштадт и расстреливают на краю вырытого рва. Перед гибелью Муся просит разрешения сыграть на скрипке и исполняет «Интернационал». Полицейские приходят в ярость и сбивают его с ног. Отец Муси просит их не убивать сына, но жандармы смеются и бьют его палками, а затем приказывают Мусе и его отцу бежать прочь, после чего пускают по ним очередь из автомата.

Следующая публикация, вышедшая 1 сентября 1943 г. в «Пионерской правде», называется «Сильные духом: Перед казнью». Ее автор Е. Успенская рассказывает три истории о героических поступках советских школьников в оккупации. В истории Муси лишь часть деталей совпадает с содержанием заметки в «Советской Кубани». Из истории исчезает избиение отца Муси и приказ бежать прочь. Вместо этого вводятся новые подробности. По версии Успенской, 15 декабря немцы «сгоняют народ смотреть на казнь». Муся просит у немецкого офицера разрешения сыграть. Стоя «перед шеренгой немецких солдат», он играет не для них, а для своих друзей. На иллюстрации к заметке мальчик со скрипкой стоит среди раненых мужчин, а рядом с ними – разгневанный немецкий офицер. Заметим, что в первой публикации коллаборанты-полицейские расстреливают стариков, женщин и детей. Немецкого офицера, толпы селян, согнанных на казнь, и раненых друзей там нет. Благодаря новым деталям рассказ о расстреле мирного населения превращается в историю о казни «партизан».

Следующая публикация под названием «Слава советским детям» вышла 21 мая 1945 г. в газете «Правда». Ее автором была Е. Кононенко, которая написала самую первую заметку о Мусе. Интересно, что во второй своей заметке она пересказывает не то, что писала до того, а версию Успенской: Муся противостоит немецкому офицеру, а не полицейским. На казни присутствует согнанная толпа и отсутствуют женщины, дети и старики. Меняется локация расстрела: если в первой своей заметке Кононенко говорит о рве на поляне, то во второй местом событий оказывается

площадь: «Я не была на этой площади, но я слышу, как играл этот ребенок гимн, я слышу это, и душа моя радуется и плачет»¹⁶.

В повести С. Ицковича, выпущенной в серии «Пионеры-герои» в 1967 г., рассказывается не только о трагических событиях в ст. Усть-Лабинской, но и о жизни семьи Пинкензонов в Бельцах до эвакуации. Особое внимание автор уделяет музыкальным достижениям Муси: он проявляет талант в 4 года, а уже в 5 лет дает свой первый концерт. Перед эвакуацией Муся выкладывает из чемодана одежду, чтобы туда поместились ноты. Во время изнурительного пути на Кубань Муся исцеляет и ободряет окружающих игрой на скрипке. В ст. Усть-Лабинской Муся дает концерты в военном госпитале, и ему даже удается с помощью музыки вернуть к жизни тяжело раненного летчика. Во время оккупации немцы, чтобы запугать станичников, решают расстрелять семью Пинкензонов и других арестованных. Автор не уточняет, кто эти люди и почему их расстреливают, но на иллюстрациях опять-таки изображены раненые мужчины.

Как мы видим, с течением времени сюжет о Мусе Пинкензоне претерпевает изменения. Если вначале речь идет о расстреле женщин, детей и стариков, то в последующих публикациях мирные жители превращаются в «партизан», которых казнят на площади перед толпой селян, а полицейские-коллаборанты – в немецкого офицера. Можно также заметить, что по мере развития сюжета складываются два разных образа главного героя. В версиях 1940-х гг. у Муси, по сути, нет характеристик, кроме «образцовости», а в повести 1967 г. он, наоборот, описывается как вундеркинд, чья музыка обладает целительной силой.

Корпус текстов и авторы стихотворений о Мусе Пинкензоне

Корпус анализируемых мной текстов состоит из 18 стихотворений, поэм и песен о Мусе Пинкензоне. Основные источники материала – архив Усть-Лабинского краеведческого музея¹⁷ и библиография публикаций о Мусе Пинкензоне, представлен-

---

¹⁶ Попутно заметим, что здесь Кононенко признается в том, что она не была свидетельницей расстрела, что ставит под вопрос достоверность ее рассказа.

¹⁷ Материалы о Мусе Пинкензоне представляют собой папку с подборкой рукописей и вырезок из газет, посвященных его истории. Материалы были собраны в 1960–1980-е гг. пионерами усть-лабинской школы № 1, а в дальнейшем переданы в Усть-Лабинский краеведческий музей.

ная на сайте «Централизованная библиотечная система города Армавира»¹⁸. Два из имеющихся поэтических текстов были опубликованы в печатных СМИ¹⁹; шесть существуют только в рукописном варианте²⁰; шесть опубликованы на сайте на Stihi.ru²¹; два в интернет-изданиях²², один в поэтическом сборнике, переданном мне автором²³, и еще один опубликован в соцсети²⁴.

¹⁸ На сайте приведены ссылки на 48 печатных и интернет-материалов о Мусе Пинкензоне, в том числе на поэтические тексты с портала Stihi.ru. URL: http://armavir-cbs.krd.muzkult.ru/Pinkenzon_Musya (дата обращения: 15.03.2025).

¹⁹ *Виноградский Ф.* Песня о юном скрипаче // Армавирская коммуна. 1951. 6 апр. С. 3; Шилов М. Баллада о скрипаче // Коммунист. 1959. 29 апр. С. 6.

²⁰ *Бойко А.* Муся Пинкензон: рукопись // Архив Усть-лабинского краеведческого музея. 1950–1960-е гг.; *Скороход Н.* Хмурое утро: рукопись // Архив Усть-лабинского краеведческого музея. 1960–1970-е гг.; *Авраменко Н.М.* Тебе низкий поклон: рукопись // Там же; Отрядная песня о Мусе Пинкензоне (пионеры из отряда им. Муси Пинкензона из средней школы № 11 в ст. Кирпильской): рукопись // Архив Усть-лабинского краеведческого музея. 1975 г.; *Кизолго В.* Песня о пионере Мусе Пинкензоне (музыка А. Мунтян): рукопись // Архив Усть-лабинского краеведческого музея. 1960–1970-е гг.; *Зайцев А.Р.* Юному герою: рукопись // Там же.

²¹ *Коб Ра.* Герои и судьбы: Муся Пинкензон // Stihi.ru. 2014 г. URL: <https://stihi.ru/2014/12/23/638> (дата обращения: 15.03.2025); *Семиколенова Л.* Непокоренный скрипач // Stihi.ru. 2015 г. URL: <https://stihi.ru/2015/04/19/138> (дата обращения: 15.03.2025); *Томко А.* Муся Пинкензон // Stihi.ru. 2015. URL: <https://stihi.ru/2015/08/07/9141> (дата обращения: 15.03.2025); *Абесадзе Е.* Муся // Stihi.ru. 2016 г. URL: <https://stihi.ru/2016/04/23/5614> (дата обращения: 15.03.2025); *Аршанский М.* Расстрелянная скрипка // Stihi.ru. 2019. URL: <https://stihi.ru/2019/07/15/6952> (дата обращения: 15.03.2025); *Старостин В.* Муся Пинкензон // Stihi.ru. 2020. URL: <https://stihi.ru/2020/01/23/8297> (дата обращения: 15.03.2025).

²² *Хентов И.* Муся Пинкензон // Жемчужины мысли.ру. 2016. URL: <https://www.inpearls.ru/872737> (дата обращения: 15.03.2025); *Полянская Е.* Скрипач // Что есть Истина?: Литературно-исторический журнал. 2020. № 60 (март). URL: <https://istina.russian-albion.com/ru/chto-est-istina--60-mart-2020-g/ekaterina-rolyanskaya> (дата обращения: 15.03.2025).

²³ *Чепела III.* Последний концерт Муси Пинкензона // О, если я забуду тебя, Иерусалим... М.: ЛитРес: Самиздат, 2019. С. 40–42.

²⁴ *Ицкович С.Н.* Расстрелянная скрипка. 2020. 15 авг. URL: <https://clck.ru/3PZ35U> (дата обращения: 15.03.2025).

Произведения этого корпуса можно разделить на две группы по времени их создания. Ранние стихи относятся к периоду 1950–1980-х гг., а стихи позднего времени написаны в 2010–2020-е гг. Популярность сюжета о Мусе Пинкензоне среди наивных авторов пережила два пика:

1) 1960–1970-е гг., что было связано с выходом книги Ицковича и становлением в СССР государственного культа Великой Отечественной войны;

2) после 2014 г., что связано с ренессансом этого культа в современной России.

Большинство ранних авторов – жители Усть-Лабинска и его окрестностей, о чем можно судить по подписям типа: «ученики 4 “б” класса СШ № 11 в ст. Кирпильской Усть-Лабинского р-на»; «Авраменко Николай Моисеевич, дважды ветеран труда, хут. Болгов». Кроме того, в своих стихах эти авторы указывают на свою личную связь с ключевыми для этой истории объектами:

Средь толпы идет мальчик темнокудрый.
Это пятиклассник *нашей школы* – Муся Пинкензон.
Как его любили *в нашей школе!*²⁵

Мы были у крепости нашей,
Где памятник Мусе стоит.
Он был пионером бесстрашным
И мужеством стал знаменит²⁶.

Приходил я к Пинкензону
По родительскому зову
Не раз и не два
Слезу сдерживал едва²⁷.

Ранние авторы также упоминают факты, отсутствующие в «официальных» источниках, – например то, что школа, где учился Муся, во время войны была закрыта и там разместили военный госпиталь. Они достаточно вольно обращаются с подробностями канонической версии событий: например, пишут о погоде и состоянии здоровья Муси в день расстрела:

Мрачно небо, мокра земля,
Ветер холодный одежду рвет,

---

²⁵ Бойко А. Муся Пинкензон.

²⁶ Кизолго В. Песня о пионере Мусе Пинкензоне.

²⁷ Авраменко Н.М. Тебе низкий поклон.

*Поливают струи дождя,
А толпа все идет и идет*²⁸.

Стоял под расстрелом со скрипкой
Он рядом с хирургом отцом,
Был бодрым, хотя *болен гриппом*, –
Как воин стоял молодцом!²⁹

Как местные жители, эти авторы явно считали себя если не свидетелями, то причастными к описываемым событиям и потому не стеснялись дополнять и уточнять «канонический» сюжет³⁰. Поздние авторы, которые, судя по всему, в Усть-Лабинске не бывали, наоборот, строго следуют тому, что изложено в «официальных» письменных источниках. Их вклад в разработку этого сюжета – творческое углубление некоторых деталей и описание своих эмоций.

Из этих двух групп текстов выбивается стихотворение С. Ицковича, автора повести «Муся Пинкензон». Дата его создания нам неизвестна, но оно точно было написано до 1988 г., когда автор скончался, т. е. по времени своего появления это стихотворение находится за пределами двух пиков популярности этого сюжета. Неизвестно и то, было ли оно опубликовано при жизни автора. Для нас стихотворение Ицковича интересно тем, что в нем автор расставил другие, по сравнению с повестью, акценты. Вопрос о том, можно ли считать Ицковича «наивным» автором, дискуссионен, учитывая, что он был журналистом и написал один из прецедентных текстов. На мой взгляд, мы все-таки можем рассматривать его стихотворение в контексте наивной поэзии (хотя и с оговорками), поскольку личная эмоциональная вовлеченность Ицковича в этот сюжет³¹ превалирует над его литературным мастерством.

---

²⁸ Бойко А. Муся Пинкензон.

²⁹ Зайцев А.Р. Юному герою.

³⁰ В своих мемуарах о Мусе Пинкензоне некоторые местные жители обращались с этой историей еще более вольно: рассказывали, например, о младшей сестре Муси, которой у него не было, и вписывали в историю себя в качестве участников. Подробнее об этом см.: [Гаврилова 2024].

³¹ Ицкович был евреем и земляком Муси Пинкензона, лично знакомым с его родственниками.

*Прагматика, тематика и поэтика
наивных стихотворений о Мусе Пинкензоне*

В поэтических текстах раннего времени создания, опубликованных в печати или предназначенных для публичного исполнения, преобладает героическая топка:

Пионера враги расстреляли,
Но той песни убить не смогли,
Услыхал её пламенный Сталин
И сказал детям нашей земли...³²

Цель этих произведений – эмоциональная мобилизация аудитории, поднятие ее боевого духа и прославление героя. Два текста представляют собой маршевые песни:

Пролети ты, песня
Над родной землей.
Расскажи ты, песня,
Как погиб герой³³.

Остальные тексты имеют другую прагматику и выражают другие эмоции. Это скорее «плачи», в которых находит выход скорбь, описывается трагизм ситуации, жестокость палачей и страдания невинных жертв. Среди таких произведений есть и рукописи из архива музея, и поздние стихотворения, однако стилистика и поэтические образцы, на которые ориентируются авторы разного времени, отличаются. Ранние тексты акцентируют внимание на страшных, кровавых подробностях, используя в качестве модели жанр жестокого романа³⁴:

Зная, что из гетто им не уйти,
Но он искал выход на волю,
И вместе со скрипкою сердце в груди
Пело про злую их долю. <...>
С прострелянной грудью он упал на песок,

---

³² Виноградский Ф. Песня о юном скрипаче.

³³ Отрядная песня о Мусе Пинкензон.

³⁴ Например: «Хороша, молода / На лохмотьях цыганка лежала / Вся в жару и в огне, / В рамке черных кудрей, / А в груди ее рана зияла. / Изпод шали цветной, / Из груди молодой / Кровь горячая струйкой бежала» (Современная баллада и жестокий романс / [сост. С. Адоньева, Н. Герасимова]. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. С. 153).

А рядом валялася скрипка...
 Кровь, будто зная, закрыла висок,
 В лице же играла улыбка!³⁵

В крепости той, где был суд обреченных,
 Партийный гимн Муся гордо сыграл,
 Хотел ещё крикнуть так близкое... ма-ма,
 Но, скошенный пулей, на землю упал³⁶.
 Капли крови на землю по струнам катились,
 Словно слезы из глаз у родных матерей
 За нашу страдалицу землю родную,
 За миллионы погибших людей³⁷.

Авторы стихотворений позднего времени создания не описывают подробности жестокой расправы, а говорят о беззащитности и невинности мальчика, выражают жалость к нему (подробнее речь об этом пойдет далее). При этом они ориентируются уже не на фольклор, а на образцы «высокой» поэзии XX в.

О случаях публичного исполнения большинства стихотворений-«плачей» сведений у нас нет, хотя это не исключено. Однако известно, что по крайней мере одно из них – «Последний концерт Муси Пинкензона»³⁸ – автор регулярно читает вслух перед школьниками во время коммеморативно-просветительских мероприятий на Международный день памяти Холокоста (27 января)³⁹.

³⁵ *Зайцев А.Р.* Юному герою.

³⁶ Ср.: «Надя ножик берет и подходит, / А малютка встает и глядит: / «Мама, мамочка, милая мама, что за дядя на стуле сидит?» / «Это папочка, милая дочка, / Только папа тебе не родной». / И вонзила ребенку в грудь ножик, / Только девочка крикнула: «Ой!»» (Русский жестокий романс / [сост. В.Г. Смолицкий, Н.В. Михайлова]. М.: ГРЦРФ, 1994. С. 83).

³⁷ *Скорород Н.* Хмурое утро.

³⁸ *Чепела Ш.* Последний концерт Муси Пинкензона.

³⁹ Международный день памяти жертв Холокоста был установлен ООН в 2005 г. В качестве даты был выбран день освобождения концлагеря Освенцим (Аушвиц-Биркенау) 27 января 1945 г. В России к этому дню приурочены культурно-просветительские мероприятия (выставки, концерты, тематические уроки, кинопоказы и т. п.) и посещение мест расстрелов (подробнее о датах коммеморации жертв Холокоста см.: [Козлова 2024]). Чаще всего организаторами этих мероприятий являются местные еврейские общины. В Усть-Лабинске такой общины нет, и в разговорах с нами усть-лабинцы не называли 27 января в качестве даты для посещения памятника Муси Пинкензона. Мероприятия, в которых принимает участие Шуламита Чепела, проходят в Краснодаре.

Характеристика героя

Сюжет о Мусе Пинкензоне строится на контрасте внешней беззащитности мальчика и его внутренней силы и на противостоянии грубой агрессии при помощи искусства. В ранних и поздних стихотворениях Муся Пинкензон характеризуется через оппозицию «дитя – герой»:

Хотя музыкант был годами и мал,
Но крепок был дух, не сломался,
И пела та скрипка «Интернационал»,
Пока музыкант не свалился!⁴⁰

Домашний мальчик с маленькой скрипкой,
Что стать героем вовсе не мечтал...
А в памяти – наивная улыбка,
А в воздухе – «Интернационал»!⁴¹

Часть авторов подчеркивает, что Муся именно «воин», который гибнет «в бою»⁴²:

Что мне делать, Господи?
Играть.
Он играл. Как воин. <...>
Маленький...
Скрипач... Он воевал!⁴³

В одном стихотворении Муся даже не играет на скрипке, а непосредственно участвует в боях:

---

⁴⁰ *Зайцев А.Р.* Юному герою.

⁴¹ *Абесадзе Е.* Муся.

⁴² Сегодня в Усть-Лабинске его воспринимают так же: возле памятника Мусе Пинкензону можно увидеть траурные венки с надписями «Павшим воинам в ВОВ» и «Героям-освободителям». По словам местной учительницы, школьники ежегодно отдают дань памяти «похороненным там героям». В Усть-Лабинске мероприятия у мемориала с советских времен приурочены к датам, связанным с Великой Отечественной войной: 9 мая, 22 июня, 6 февраля (день освобождения Усть-Лабинска), а также ко дню рождения Муси Пинкензона (5 декабря) и дате расстрела (15 декабря). Кроме того, у памятника раньше проводились линейки на День пионерии (19 мая), устраивался пионерский слет, школьников принимали в пионеры.

⁴³ *Коб Ра.* Герои и судьбы: Муся Пинкензон.

Ты был совсем уж молод
Но в дождь, снег и холод
Темной ночью под градом пуль
Ты разведчик, подносчик, патруль.
Всегда был на первом рубеже
В командирском блиндаже⁴⁴.

В тех ранних текстах, которые печатались или исполнялись публично, Муся характеризуется прежде всего как коммунист, пионер и патриот СССР. Наиболее значимым оказывается то, что перед расстрелом звучит именно «Интернационал», который до 1944 г. был государственным гимном СССР:

Мои струны, певучие струны,
Не погаснет свободы зоря,
Спойте вы, что фашистские гунны
Нас не сломят, внучат Октября!..⁴⁵

Здесь был Пинкензон, наш подросток –
Скрипач, музыкант, пионер,
И с мужеством был он как взрослый, –
Всем школьникам в жизни пример!⁴⁶

Подобные характеристики практически дословно повторяют описание Муси в газетных публикациях 1940-х гг.:

Муся Пинкензон был примерным пионером и учеником. Сколько в нем было жизни и свежести, сколько радости и счастья было на лице этого маленького патриота советской родины! В нем был яркий отпечаток советского детства, без нужды и горя, которое проводят дети советской страны⁴⁷.

Другие, наоборот, подчеркивают, что Муся – это обычный советский ребенок, на чью долю несправедливо выпали тяжелые испытания. Такая трактовка встречается как в ранних, так и в поздних произведениях. Эти авторы акцентируют внимание на детскости героя, мальчик вызывает у них умиление и жалость:

---

⁴⁴ Авраменко Н.М. Тебе низкий поклон.

⁴⁵ Виноградский Ф. Песня о юном скрипаче.

⁴⁶ Кизолго В. Песня о пионере Мусе Пинкензон.

⁴⁷ Кононенко Е. Как погиб Муся Пинкензон.

Ты хотел бегать, веселиться,
Петь, жить, трудиться
Как все дети на земле
Не думая о горе, о войне⁴⁸.

Смотрю на фото: очень нежный мальчик,
И видно – не задира, не драчун⁴⁹.
В руках смычок и скрипка, пухлый пальчик
Едва-едва коснулся тонких струн.
Рубашечка застегнута под горло,
Зачесан волос маминой рукой...⁵⁰

При этом ранние авторы обычно подчеркивает, что Муся был «как все»:

Он был как многие, такой же пионер,
Любил читать, любил играть на скрипке.
И если его ставили в пример,
Он убегал с застенчивой улыбкой⁵¹.

Это также соответствует характеристике Муси и других детей-героев в газетных публикациях 1940-х гг.:

Они были такими же, как и вы все: веселыми, задорными, шаловливыми ребятами⁵².

Поздние авторы, наоборот, говорят о Мусе как об уникальном ребенке. В их стихотворениях он описывается не как «один из» множества воинов, коммунистов, патриотов, счастливых советских детей и т. д. (пусть и образцовый), а как мальчик с яркой индивидуальностью, с собственной биографией, из уважаемой и интеллигентной семьи:

Не надо, не надо, мальчик!
Не ставь эту скрипку в плечо.

---

⁴⁸ Авраменко Н.М. Тебе низкий поклон.

⁴⁹ Ср.: «Женя вдруг увидела превосходного мальчика, который сидел на лавочке у ворот. <...> Мальчик был очень симпатичный – сразу видно, что не драчун» (Катаев В. Цветик-семицветик // Мурзилка. 1940. № 2. С. 7).

⁵⁰ Абесадзе Е. Муся.

⁵¹ Шилов М. Баллада о скрипаче.

⁵² Успенская Е. Сильные духом: Перед казнью.

Твой чувствителен пальчик –
Будешь, как папа, врачом⁵³.

В этом они следуют за изображением Муси в повести Ицковича. Некоторые авторы углубляются в тему утонченности семьи Пинкензонов (особенно мамы) еще дальше, чем Ицкович:

Думал, мама, сыграю в Москве
Думал, вместе поедem в Париж
Но сегодня на мокрой траве
Ты немая навеки лежишь⁵⁴.

Папа в белом халате
С пятнышком крови аленьким
И мама в вечернем платье,
Украшенном перьями страуса⁵⁵.

Как и для Ицковича, для поздних авторов наибольшее значение приобретает музыкальный дар героя. Эту тему они раскрывают, описывая то, какие именно классические произведения Муся исполнял на скрипке:

С дек струились созвучия Баха,
К ним спускался с небес Мендельсон⁵⁶.

Сыграй-ка им лучше Штрауса,
Они его любят – гады. <...>
Сыграй-ка им Ференца Листа. <...>
Сыграй-ка им лучше Брамса,
Помнишь, как в свой день рождения;
И этот напыщенно-бравый
Станет, как наваждение⁵⁷.

Ранние авторы не упоминают о том, что Муся – еврей. Можно было бы предположить, что эта информация отсутствует в прецедентных текстах, но на самом деле Кононенко во второй своей заметке писала о национальности Муси:

---

⁵³ *Томко А.* Муся Пинкензон.

⁵⁴ *Чепела III.* Последний концерт Муси Пинкензона.

⁵⁵ *Томко А.* Муся Пинкензон.

⁵⁶ *Хентов И.* Муся Пинкензон.

⁵⁷ *Томко А.* Муся Пинкензон.

Фашист позволил <Мусе сыграть на скрипке>: «Пусть все видят, как милостивы немцы, они разрешают еврейскому ребенку потешиться перед тем, как он подохнет...»⁵⁸

Вероятно, для ранних авторов эта деталь не имела значения, поскольку для них Муся был прежде всего «партизаном». Для поздних же авторов национальность Муси – это часть его индивидуальности, и поэтому они считали важным упомянуть об этом:

Играла скрипка в доме Пинкензонов,
Всех виртуозной радуя игрой.
Навеки в камне он, непокорённый.
Простой еврейский мальчик. И герой⁵⁹.

Таким образом, для ранних авторов, пишущих о Мусе как в героическом, так и в скорбном ключе, он типичный, образцовый советский ребенок и маленький «воин», а для поздних он, по-прежнему будучи ребенком-«бойцом», особенный и уникальный.

Изображение врага

В ранних текстах, написанных авторами с Кубани, враг описывается как обезличенное зло – животные, чудовища, варвары:

Вдруг грянула война
И полезла фашистов волна⁶⁰.

Когда над страной стервятников рой
Плясали смертельную тризну. <...>
Лишь пьяной ордою у каждых ворот
Шныряла фашистская свора⁶¹.

Судя по этой детали, авторы опирались на самую первую публикацию в «Советской Кубани», где враг описан именно так:

Окровавленная рука гитлеровского пса-коменданта, выкормленного, как перед охотой... <...> ...полицейские с звероподобными лицами, вышли вооруженными на крепость <...> и ждали своих жертв⁶².

---

⁵⁸ Кононенко Е. Слава советским детям!

⁵⁹ Семиколонова Л. Непокоренный скрипач.

⁶⁰ Авраменко Н.М. Тебе низкий поклон.

⁶¹ Зайцев А.Р. Юному герою.

⁶² Кононенко Е. Как погиб Муся Пинкензон.

Как вариант, противник Муси в ранних стихах обозначается словом «конвой»:

Он слышал картавые фразы конвоя,
Их, надрываясь, выкрикивал фриц⁶³.

Муся со скрипкою вышел вперед
Конвою сказал очень мило:
«Прошу напоследок на скрипке сыграть!
Уважьте последнюю волю!»
Конвой улыбнулся: «Прошу начинать!»
И звуки помчались на волю⁶⁴.

Это слово также упоминается только в «Советской Кубани»: «...Под многочисленным конвоем шли люди, приговоренные к смерти»⁶⁵. В других прецедентных текстах «звероподобных полицейских» и «конвоя» мы уже не встречаем. Начиная с заметки Успенской во всех публикациях в качестве антагониста Муси выступает конкретный немецкий офицер⁶⁶. Он появляется и в поздней наивной поэзии:

Растерян был тот офицер.
Он ждал покорности, и вот –
Играет скрипка, но не тот,
Что ожидал, мотив плывет. <...>
Немецкий бравый офицер,
Как просчитаться все же смог?
Он ждал мольбы, а получил
Лишь унижение в итог⁶⁷.

Вздогнула скрипка у мальчишеского плеча.
Офицер, прищурившись, смотрит на скрипача.
Офицер доволен: расстрел обещает быть
Даже забавным... Он успеет убить⁶⁸.

⁶³ *Скорород Н.* Хмурое утро.

⁶⁴ *Зайцев А.Р.* Юному герою.

⁶⁵ *Кононенко Е.* Как погиб Муся Пинкензон.

⁶⁶ В мультфильме «Скрипка пионера» развитие этой тенденции достигает крайней степени: немецкий солдат и юный скрипач вообще оказываются единственными персонажами.

⁶⁷ *Аршанский М.* Расстрелянная скрипка.

⁶⁸ *Полянская Е.* Скрипач.

Мы видим, что враг описывается по-разному, в зависимости от того, на какой из прецедентных текстов ориентировался автор. Если для жителей Кубани это была первая заметка Кононенко в местной газете, то авторы из других регионов, которым она была недоступна, ориентировались на те источники, где Муся противостоит немецкому офицеру.

Сюжетные функции Муси Пинкензона

В стихах ранних и поздних авторов Муся играет разные роли. В произведениях советского времени он своей игрой на скрипке призывает на бой других, вдохновляет их и подает им пример:

Скрипку прижимая к сердцу правой рукой,
Левую протягивал, взывая, на святую месть,
На смертный бой⁶⁹.

Пусть целят в сердце автоматы!
Пусть пуля скрипку в щепки рвёт!
Вы слышите меня, солдаты?
Прошу –
За Родину,
вперед!⁷⁰

Эта трактовка соответствует характеристике Муси как воина и патриота, и она взята непосредственно из первых газетных заметок о нем. Правда, в публикации в «Советской Кубани» у Муси нет слушателей, кроме «конвоя», поэтому ему не к кому обратиться, но Кононенко сама призывает пионеров и комсомольцев включиться в помощь Красной армии, апеллируя к его образу: «Пусть светлый образ Муси Пинкензона <...> вселит еще большую ненависть к немецким кровопийцам»⁷¹. В следующей публикации Муся уже играет перед толпой, согнанной на казнь, и перед боевыми товарищами. Успенская превращает призыв в констатацию: «И вера и мужество крепили в людях»⁷².

В поздних текстах Муся уже не вдохновляет других, а сам одерживает символическую победу над врагом:

---

⁶⁹ Бойко А. Муся Пинкензон.

⁷⁰ Ицкович С.Н. Расстрелянная скрипка.

⁷¹ Кононенко Е. Как погиб Муся Пинкензон.

⁷² Успенская Е. Сильные духом: Перед казнью.

Муся Пинкензон... <...>
Не закрывал
Собою дзота.
Да. Не нёс
Под пулями
Кумач.
Только вот скажите...
Отчего-то
Дрогнул
Перед ним
Фашист-палач. <...>
Муся...
На лице его улыбка.
Победитель
Маленький скрипач⁷³.

Начиная со статьи Успенской, в прецедентных текстах офицер реагирует на «Интернационал» яростью, поздние же авторы пишут о его «растерянности», «дрожии», «унижении».

Роль музыканта-победителя соответствует индивидуализированному образу Муси. Авторы стихотворений позднего времени, подчеркивая в Мусе его детскость и беззащитность, парадоксальным образом наделяют его гораздо большей субъектностью, чем ранние авторы, для которых он был «воином» и маленьким патриотом.

«Песня-птица» и «скрипка-подруга»

Некоторые мотивы в наивных стихотворениях о Мусе имеют мифологическое происхождение и являются общими местами лирических произведений разных эпох и народов. Один из них – изображение песни как самостоятельного агента, летающего в воздухе, как птица:

Пролети ты, песня
Над родной землей.
Расскажи ты, песня,
Как погиб герой⁷⁴.

Но не ведала скрипочка страха,
Как и юный скрипач Пинкензон. <...>

---

⁷³ Коб Ра. Герои и судьбы: Муся Пинкензон.

⁷⁴ Отрядная песня о Мусе Пинкензон.

От могилы взлетел над станицей
Птицей ввысь «Интернационал»⁷⁵.

Скрипка в стихотворениях изображается как живое существо – «подруга» главного героя, с которой у него особые личные взаимоотношения⁷⁶:

И вот он, в последний путь идя,
Снова с неразлучною подругой,
Вытирает капельки дождя,
Бережно ведет по струнам,
Ласково и нежно теребя⁷⁷.

Еще один мотив из того же «мифологического» набора – исцеляющая сила музыки⁷⁸:

С неразлучною скрипкой он всюду шагал
И пел, чтоб уменьшились боли,
От раны смертельной боец умирал
Тихо под пение в школе! <...>
Слезы катились у Муси из глаз,
Сжималось дыхание спазмой,
Хирурга-отца умолял он не раз,
От смерти чтоб раненых спас бы!⁷⁹

И, прибегая весело из школы,
Свою подружку-скрипку захватив,
Бежал в больницу Муся. Пинкензоны
Лечили музыкой и скальпелем больных⁸⁰.

---

⁷⁵ Хентов И. Муся Пинкензон.

⁷⁶ Согласно представлениям народов Сибири, звук музыкального инструмента – это личный голос духа или божества. В фольклоре и мифологических рассказах музыкальные инструменты нередко персонифицируются, в том числе наделяются зооморфными признаками. Они даже могут зажить собственной жизнью после смерти хозяина [Мелетинский, Неклюдов, Новик 2010, с. 148–158].

⁷⁷ Бойко А. Муся Пинкензон.

⁷⁸ В архаических культурах музыканты могут выступать в качестве лекарей. Это представление стоит в одном ряду с использованием музыки для достижения различных целей магическими средствами, например успеха в охоте [Мелетинский, Неклюдов, Новик 2010, с. 152].

⁷⁹ Зайцев А.Р. Юному герою.

⁸⁰ Абесадзе Е. Муся.

Как мы помним, этот мотив впервые появляется в книге Ицковича. Что же касается мотивов «песня-птица» и «скрипка-подруга», то в прецедентных текстах об этом напрямую не говорится. В них мелодия «Интернационала» продолжает звучать после гибели Мусы: «Свободная, уверенная мелодия “Интернационала” подымалась над толпой. <...> ...она еще долго звучала в душе у каждого из тех, кто стоял в толпе»⁸¹, – и из этого наивные авторы развивают мифологический образ.

Элементы, специфичные для ранних и поздних стихов

Ранние стихи о Мусе Пинкензоне, как правило, оканчиваются призывом или декларацией готовности брать пример с юного героя и совершать коммеморативные действия в его честь:

Годы летят, никогда не прощаются,
Могилы покрылись осокой травой
Мы носим цветы к тем обелискам,
Охраняем их вечный мир и покой!⁸²

Пусть проходят годы,
День за днем идет,
Не забыт тот мальчик,
В сердце он живет.
Муся рядом с нами,
Как родной наш брат.
Быть таким, как Муся
Клятву дал отряд!⁸³

Источник такой концовки – советская литература о детях-героях⁸⁴ и пионерская коммеморативная обрядность. Похожие формулировки можно встретить в воспоминаниях жителей Усть-Лабинска, записанных в то же время, что и ранние стихи и песни о Мусе Пинкензоне. Эти мемуары предназначались для публич-

⁸¹ Успенская Е. Сильные духом: Перед казнью.

⁸² Скорород Н. Хмурое утро.

⁸³ Отрядная песня о Мусе Пинкензон.

⁸⁴ Например: «Свято чтут в колхозе память о первом пионере-герое Жоре Сосновском, школьники берегут и продолжают пионерские традиции тех далеких, но незабываемых лет» (*Герус А. Пионер Жора Сосновский // Дети-герои / [сост. И.К. Гончаренко, Н.Б. Махлин]. 3-е изд. Киев: Радянська школа, 1984. С. 103–106).*

ного чтения во время коммеморативных мероприятий, как, вероятно, и наивные поэтические произведения:

...хотя прошло уже много лет, у меня в памяти до сих пор свежо воспоминание о Мусе. Для меня его подвиг много значит, и я стараюсь сейчас всем ребятам донести до сердца подвиг героя, его бесстрашие, смелость⁸⁵.

Я часто выступаю перед пионерами школы, где я учился, где учился Муся, стараюсь донести смысл подвига до юных сердец. Помните о маленьком герое, чтите память о нем!⁸⁶

Такая декларация вписывается в типичный для ранних стихов комплекс характеристик и функций Муси: он боец и патриот, чья роль состоит в том, чтобы мобилизовать других на борьбу, и поэтому в своих стихах и речах мы как бы отвечаем на его призыв, даем ему обещание.

Для поздних стихов специфичен мотив «отказ от шанса на спасение», который в ранних наивных текстах не встречается:

Фашист дозволил <сыграть на скрипке>, думая наивно, что Мальчик этим жизнь, мол, продлевал⁸⁷.

Мальчик, не медли, сыграй что-нибудь! Поспеши!
Ну же, сыграй для сентиментальной души –
Что-нибудь нежное для немецкой души...
Он же сказал:
Понравится – будешь жить⁸⁸.

Этот мотив впервые появляется в повести Ицковича. Первым шанс на спасение получает отец Муси, но он четырежды отказывается от предложения лечить раненых немцев, что и становится, согласно версии Ицковича, причиной казни его семьи. Перед расстрелом немецкий офицер обещает Мусе: «Играй!.. Играй! Понравится – будешь жить!» В заметках 1940-х гг. этой подробности не было, и семья в любом случае была обречена. Кроме того, мотив «отказ от шанса на спасение» часто

---

⁸⁵ Бакиева А.И. Воспоминания: рукопись // Архив Усть-лабинского краеведческого музея. 1960–1970-е гг.

⁸⁶ Забашта В.Ф. Воспоминания: рукопись // Архив Усть-лабинского краеведческого музея. 1960–1970-е гг.

⁸⁷ Абесадзе Е. Муся.

⁸⁸ Полянская Е. Скрипач.

встречается фольклорных рассказах о Холокосте⁸⁹. В том числе он встречается в воспоминаниях жителей Усть-Лабинска о гибели Муси:

Всякий раз я предлагал Мусе уйти из станицы на хутор к знакомым. Но он отклонял мои просьбы и говорил: «Погибать так всем, всей семьей!»⁹⁰

<Отец рассказчицы> Уговаривал Пинкензонов эвакуироваться, но они отказались уйти, так как думали, что не все немцы фашисты. Привели в пример немецких поэтов и композиторов. Они хорошо устроились врачами, думали что немцев тоже будут лечить⁹¹.

В устных нарративах о Холокосте и в литературе мотив «отказ от шанса на спасение» выполняет разные функции. В фольклорных рассказах это компенсаторная функция – с помощью этого мотива ответственность за гибель евреев частично возлагается на них самих. В литературе же «отказ от шанса на спасение» сообщает нам о гордости героя и высшей степени его солидарности со своей группой – семьей, товарищами и т. п.⁹² В стихах кубанских авторов этот мотив не встречается, в отличие от их воспоминаний. В поздние произведения, начиная с повести Ицковича, он, скорее всего, проник из литературных источников, что и определило функцию этого мотива.

Заключение

Как мы видим, авторы стихов о Мусе Пинкензоне советского периода непосредственно связаны с местом его гибели, в то время

---

⁸⁹ Мы часто записывали подобные сюжеты на бывших оккупированных территориях во время экспедиций, проходивших в 2020–2024 гг. в рамках проекта «Еврейские коммеморативные практики и современный культ Победы» при поддержке Еврейского музея и Центра толерантности.

⁹⁰ *Забашта В.Ф.* Воспоминания.

⁹¹ Г.М.С., ж. 1933 г.р. (интервью). Зап. С. Беянин, Е. Закревская. Краснодар, 25.04.2022.

⁹² Этот мотив мы встречаем, например, в балладе «Вересковый мед» Р.Л. Стивенсона (Heather Ale, 1880), стихотворении «Кровавая неделя (Вот и я!)» В. Гюго (La Semaine sanglante, 1871), многочисленных рассказах о том, как пленные отказываются выдавать своих товарищей под пытками, и т. д.

как те, кто создавал стихи в постсоветское время, – нет⁹³. Сходств между ранними и поздними произведениями не так уж много. И те, и другие представляют собой пересказы прецедентных текстов в стихах и в разных пропорциях сочетают в себе героику и скорбь. В них также прослеживаются общие мотивы «песня-птица» и «скрипка-подруга», которые не встречаются в прецедентных текстах и имеют мифологическое происхождение.

Различий между этими двумя группами текстов намного больше.

Ранние авторы ориентируются на газетные заметки 1940-х гг. – в первую очередь, на публикацию в «Советской Кубани», которая для поздних авторов была недоступна. На создателей ранних стихотворений также могли повлиять воспоминания современников событий, содержание которых, впрочем, также во многом было сформировано заметкой Кононенко⁹⁴. В ранних произведениях Муся предстает образцовым маленьким солдатом, одним из многих. Его врагом оказывается безличный звероподобный «конвой», который ребенку не под силу одолеть в бою. В раннем варианте сюжета функция героя состоит в том, чтобы вдохновить других на борьбу и своей смертью подать им пример. Стихотворения заканчиваются «ответом» аудитории на «призыв» Муси Пинкензона – обещанием не забывать его подвиг и продолжать его дело. С точки зрения поэтики и прагматики эти тексты можно разделить два типа. Первые, предназначенные для печати в прессе или пения на коммеморативных мероприятиях, созданы под влиянием официального советского дискурса и его речевых жанров (публицистика, пропагандистская «агиография», официальные траурные речи и т. п.). Вторые существуют лишь в виде рукописей и используют в качестве модели жанр жестокого романа.

Авторы стихов постсоветского времени строго придерживаются той версии истории, которая бы изложена в повести Ицковича. Стилистически они ориентируются на произведения «высокой» литературы. В их случае не прослеживается корреляция между способом бытования, жанровой моделью и содержанием, хотя по крайней мере одно из этих стихотворений исполняется на коммеморативных мероприятиях. Главная особенность поздних стихов в том, что Муся в них изображен уникальным ребенком, наделенным отчасти сверхъестественным музыкальным даром. Его врагом оказывается не «орда», «рой стервятников», а конкретный немецкий офицер. Утонченный и беззащитный маленький герой вступает в поединок с противником и силой своего искусства одерживает над ним символическую победу.

⁹³ Шуламита Чепела переехала в Краснодар уже будучи взрослой.

⁹⁴ Подробнее об этом см.: [Гаврилова 2024].

Муса Пинкензон является одновременно и пионером-героем, и жертвой геноцида. Создатели произведений о нем имеют возможность выбрать, о чем будет их рассказ – о вооруженной борьбе или о Холокосте – и какие эмоции будет транслировать их стихотворение. На первый взгляд, тот или иной выбор должен быть обусловлен типом мемориальной культуры, доминирующим в момент написания стихотворения.

В исследованиях исторической памяти описаны два типа мемориальной культуры. Первый из них сформировался во второй половине XIX в., и он продвигает политические интересы национального государства, предполагая героизацию (и отчасти милитаризацию) прошлого [Ферро 2010; Махотина 2018]. Второй тип – мемориальная культура, которая сложилась в Европе в 1970–1980-е гг. в связи с мемориализацией жертв Холокоста. В центре внимания этого типа мемориальной культуры находятся не победы и гордость, а травма и скорбь [Хлевнюк 2019, с. 55–57].

На самом деле ситуация с наивными стихами о Мусе Пинкензоне более нюансированная. Советская политика памяти относится к первому типу мемориальной культуры. В СССР память о жертвах вообще и о погибших в Холокосте в частности целенаправленно вытеснялась из официального дискурса. Публичная коммеморация Муси Пинкензона – довольно необычный для советского времени случай, возможность для нее появилась благодаря тому, что жертва оказалась превращена в пионера-героя. «Публичные» стихи и песни раннего времени, написанные по правилам «классической» мемориальной культуры, действительно рассказывают о «военном» подвиге Муси. Однако в рукописных стихотворениях, которые можно рассматривать как «приватные», доминирует жалость, а не гордость. Мы видим, что на локальном и частном уровне в советское время могла бытовать память «трагического», а не «героического» типа. Поскольку для выражения жалости к невинной жертве наивным авторам не хватало средств публичного выражения, они ориентировались на фольклорную модель – жестокий романс.

Ближе к концу существования Советского Союза, по мере роста влияния новой мемориальной культуры, стало возможным обратное превращение Муси из героя войны в жертву Холокоста. Стихотворение Ицковича, предположительно созданное в этот период, наряду с подвигом Муси рассказывает об остальных жертвах расстрела, и они оказываются вовсе не «партизанами», как в повести, а невинными беззащитными людьми, чья гибель вовсе не героична (хотя слова «евреи» автор все-таки избегает):

Их убивали над оврагом.
Нагих. Беспомощно нагих.
Отняв с одеждою отвагу
у стариков и молодых⁹⁵.

В то же время содержание стихов поздних авторов тоже нельзя однозначно связать с новой мемориальной культурой, в рамках которой гибель жертвы трагична потому, что она бессмысленна. В постсоветских произведениях Муся Пинкензон оказывается более активным и субъектным героем, чем он изображался в советское время. Муся отвергает шанс на спасение, которого в ранних произведениях у него не было, и добровольно отдает жизнь за Родину – таким образом степень его героизации, по сравнению с ранними стихами, возрастает.

Литература

- Гаврилова 2024 – *Гаврилова М.В.* Память о Мусе Пинкензоне: между наивной литературой, фольклором и ложными воспоминаниями // Шаги/Steps. 2024. Т. 10. № 3. С. 58–84.
- Козлова 2024 – *Козлова И.В.* Современные еврейские коммеморативные практики в контексте памяти о Великой Отечественной войне и Холокосте // *Judaic-Slavic Journal*. 2024. № 11–12. С. 51–93.
- Козлова 2009 – *Козлова Н.Н.* «Наивное письмо» и власть // До и после литературы: тексты наивной словесности / сост. А.П. Минаева. М.: РГГУ. 2009. С. 20–40.
- Лурье 2001 – *Лурье М.Л.* О феномене наивного сочинительства // «Наивная литература»: исследования и тексты / сост. С.Ю. Неклюдов. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 15–28.
- Махотина 2018 – *Махотина Е.И.* Нарративы музеализации, политика воспоминания, память как шоу: Новые направления *memory studies* в Германии // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. научных трудов / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 75–92.
- Мелетинский, Неклюдов, Новик 2010 – *Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С.* Историческая поэтика фольклора: от архаики к классике. М.: РГГУ, 2010. 288 с.
- Минаева 2009 – *Минаева А.П.* До и после литературы // До и после литературы: тексты наивной словесности / сост. А.П. Минаева. М.: РГГУ. 2009. С. 7–19.

---

⁹⁵ *Ицкович С.Н.* Расстрелянная скрипка.

- Неклюдов 2001 – Неклюдов С.Ю. От составителя // «Наивная литература»: исследования и тексты / сост. С.Ю. Неклюдов. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 4–14.
- Ферро 2010 – Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Книжный клуб 36,6, 2010. 461 с.
- Хлевнюк 2019 – Хлевнюк Д. Почувствовать права человека: аффект в музеях памяти // Политика аффекта: Музей как пространство публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Склез, К. Сувериной. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 55–63.
- Югай 2016 – Югай Е.Ф. Помянуть стихами: коммеморативная наивная поэзия // Археология русской смерти. 2016. № 3. С. 39–51.

References

- Gavrilova, M.V. (2024), “Remembering Musya Pinkenzon. Between naïve literature, folklore and false memories”, *Shagi/Steps*, vol. 10, no. 3, pp. 58–84.
- Ferro, M. (2010), *Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznykh stranakh mira* [How history is told to children around the world], Knizhnyi klub 36,6, Moscow, Russia.
- Khlevnyuk, D. (2019), “Feeling human rights. Affect in memory museums”, in Zavatskii, A., Sklez, V. and Suverina, K., eds., *Politika affekta: Muzei kak prostranstvo publichnoi istorii* [Politics of affect. Museum as a space of public history], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, pp. 55–63.
- Kozlova, I.V. (2024), “Contemporary Jewish commemorative practices in the context of the memory of the Great Patriotic War and the Holocaust”, *Judaic-Slavic Journal*, no. 11–12, pp. 51–93.
- Kozlova, N.N. (2009), “‘Naive letter’ and power”, in Minaeva A.P., comp., *Do i posle literatury: teksty naivnoi slovesnosti* [Before and after literature. Naive texts], RGGU, Moscow, Russia, pp. 20–40.
- Lurie, M.L. (2001), “On the phenomenon of naive writing”, in Neklyudov, S.Yu., comp., *“Naivnaya literatura”: issledovaniya i teksty* [“Naive literature”. Research and texts], Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond, Moscow, Russia, pp. 15–28.
- Makhotina, E.I. (2018), “Narratives of musealization, politics of remembrance, memory as show. New directions of memory studies in Germany”, in Miller, A.I. and Efremenko, D.V., eds., *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati: sbornik nauchnykh trudov* [Methodological issues in studying the politics of memory. Collected works], Nestor-Istoriya, Moscow; Saint Petersburg, Russia, pp. 75–92.
- Meletinskii, E.M., Neklyudov, S.Yu. and Novik, E.S. (2010), *Istoricheskaya poetika fol'klora: ot arkhaiskoi k klassike* [Historical poetics of folklore. From archaic to classic], RGGU, Moscow, Russia.

- Minaeva, A.P. (2009), "Before and after literature", in Minaeva A.P., comp., *Do i posle literatury: teksty naivnoi slovesnosti* [Before and after literature. Naive texts], RGGU, Moscow, Russia, pp. 7–19.
- Neklyudov, S.Yu. (2001), "From the compiler", in Neklyudov, S.Yu., comp., *«Naivnaya literature»: issledovaniya i teksty* ["Naive literature". Research and texts], Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond, Moscow, Russia, pp. 4–14.
- Yugai, E.F. (2016), "Commemorate in verse. Commemorative naive poetry", *Arkheologiya russkoi smerti*, no. 3, pp. 39–51.

Информация об авторе

Мария В. Гаврилова, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6;

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 82; maria.vl.gavrilova@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-0846-3408

Information about the author

Maria V. Gavrilova, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Presidential Academy, Moscow, Russia; 82, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571; maria.vl.gavrilova@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-0846-3408